

А. И. СМЕРНИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

И. В. Сталин дал необыкновенно меткую и яркую характеристику марровского отношения к сравнительно-историческому методу в языкознании: «Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический“»¹. Тем самым был положен конец необоснованным нападкам на этот метод со стороны представителей так называемого «нового учения» о языке.

Отмечая, однако, целесообразность применения сравнительно-исторического метода, И. В. Сталин обращает внимание и на его серьезные недостатки и вообще дает ему довольно сдержанную положительную оценку, как методу, который «... все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»².

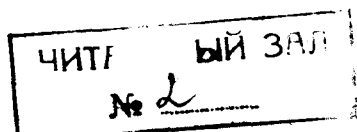
Такая характеристика сравнительно-исторического метода должна предостеречь лингвистов против чрезмерного увлечения им (очень понятного после долгого гонения, которому этот метод подвергался со стороны марровцев). Необходимо помнить, что многообразные задачи и широкие интересы марксистского языкознания как языкознания наиболее передового, которому принадлежит будущее, требуют разработки и применения различных конкретных методов — приемов специального исследования, организуемых в единый сложный аппарат научной лингвистической работы на базе одного общего метода познания — метода материалистической диалектики.

Указав на серьезные недостатки сравнительно-исторического метода, И. В. Сталин поставил перед советскими лингвистами задачу — четко определить эти недостатки с тем, чтобы выяснить, насколько они ограничивают эффективность этого метода и насколько они могут быть устранены. Правильное решение этой задачи ведет не к опорочению этого метода, а к его укреплению, к отысканию и усовершенствованию других частных приемов лингвистического исследования, которые дополнили бы сравнительно-исторический метод, оказав ему необходимую поддержку.

Обращаясь к сравнительно-историческому методу в языкознании как к специальному способу научного исследования языкового материала, имеющему свою сферу применения и свои особые задачи, естественно прежде всего отдать себе отчет в том, какова сущность этого метода, каковы принципы его использования, какого рода результаты могут быть им достигнуты и как может оцениваться степень надежности получаемых выводов.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33.

² Там же.

I

1. Сравнительно-исторический метод в языкознании в специальном смысле этого термина есть научный прием восстановления (реконструкции) не зафиксированных письменностью прошлых языковых фактов путем планомерного сравнения соответствующих более поздних фактов двух или нескольких конкретных языков, известных по письменным памятникам или непосредственно по живому употреблению в устной речи.

Это определение может показаться слишком узким. Необходимо, однако, учесть, что здесь речь идет не вообще о сравнительно-историческом изучении языков, а об одном специфическом научном приеме этого изучения, которое ставит перед собой широкие и разнообразные задачи (выяснение происхождения данных языков; определение характера исторических отношений между ними, в частности отношений родства, если это языки родственные; исследование причин параллельного развития отдельных языков и причин их расхождения; выяснение условий и путей влияния одного языка на другой и пр.). Соответственно этому сравнительно-историческое изучение языков в целом пользуется различными специальными методами-приемами. Представляется целесообразным в этой общей сложной системе научной методики сравнительно-исторического исследования, не забывая о ее цельности, выделить отдельные специальные приемы для более пристального их рассмотрения, в частности сравнительно-исторический метод в том его определении, которое дано выше.

2. Самой общей предпосылкой применения собственно сравнительно-исторического метода является наличие в данных языках генетически тождественных единиц, т. е. единиц, восходящих к одной и той же единице и представляющих собой результаты развития в отдельных языках.

Поэтому, вообще говоря, сравнительно-исторический метод приложим и к языкам неродственным, если только в них все же имеются генетически тождественные единицы. Так, например, этот метод применим для совместного изучения германских и западнофинских языков, поскольку такие слова, как финск. *kuningas*, *rengas*, *kulta* и т. п., исторически соответственно тождественны с див. *kuning*, да. *cyning*, дисл. *hringr*, див. и да. *bring*, г. *gulþ*, дисл. *gull*, див. и да. *gold*³ и т. д.: здесь возможно не только простое сопоставление, но и восстановление на основе сравнения.

Однако наибольшее значение сравнительно-исторический метод имеет, как известно, при изучении родственных языков: здесь — основная сфера его применения. Для того чтобы по-настоящему понять, почему это так, необходимо точнее определить сущность «родства языков».

Выражением «родство языков» языковеды широко пользуются. Однако далеко не все вкладывают в него одно и то же понятие и не всегда соответствующее понятие оказывается достаточно определенным. Особенно большую путаницу в понимание родства языков внесло марровское «новое учение» с его теорией образования родства в результате скрещивания, «схождения» и «стадиальных» преобразований.

Чтобы достигнуть ясности в вопросе о родстве языков, необходимо прежде всего четко различить два момента: 1) родство данных языков как таковое и 2) фактическое сходство между данными языками.

³ Сокращения: див. = древневерхненемецкое; да. = древнеанглийское; дисл. = древнеисландское; г. = готское; в дальнейшем употребляются также: ие. = индоевропейское; ст слав. = старославянское; скр. = санскритское; греч. = греческое; лат. = латинское; шв. = шведское, а также и другие, не требующие особых объяснений.

3. Родство языков есть исторический факт их происхождения из одного языка. Но что значит «происхождение из одного языка»? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, что значит «один и тот же, тот же самый язык», т. е. вообще определить понятие тождества языка.

Тождество языка следует понимать так.

Язык является тождественным себе (одним и тем же, хотя бы и в разных вариантах) там и постольку, где и постольку все разнообразные составные части языка (слова, типы их построения, изменения, сочетания и пр.) так или иначе связаны между собой взаимной зависимостью вследствие взаимодействия между ними в процессе регулярного общения, образующего как бы некоторую е д и н у ю, не имеющую существенных разрывов «с е т ь».

Язык, как известно, может быть довольно неоднороден, диалектально раздроблен, специализирован в различных сферах его применения, и все же он будет одним языком до тех пор, пока различные его варианты или разновидности будут находиться в живом взаимодействии и выступать в совокупности как средство общения, обслуживающее одну непрерывную сеть общения в пределах данного общества. При таком взаимодействии неизбежно происходит отождествление определенных, хотя бы частично и различающихся, единиц языка. Так, например, при междиалектном общении слово x^a в диалекте *А* и соответствующее x^b в соседнем диалекте *Б* неизбежно отождествляются друг с другом, функционируют как о д н а единица, как о д н о и т о же слово (лишь диалектально видоизмененное; например, *он* и *ён*, *гриб* и *грьб*, *полотенце* средн. р. и *полотенец* мужск. р. и пр.). Даже совершенно разные слова (например, *верес* — *можжевельник*) выступают при этом скорее подобно синонимам в пределах одного языка, а не как разноязычные слова, так как они вкраплены в массу отождествляемых слов. Именно таким образом диалекты одного языка образуют не сумму, а е д и н с т в о, в котором и проявляется тождество данного языка даже при значительном его многообразии.

Расхождение между отдельными разновидностями, например, между диалектами одного языка может при известных условиях быть настолько большим, что эти разновидности (диалекты) оказываются взаимно непонятными. Тем не менее, если такие диалекты, например, *А* и *Д*, действительно являются диалектами — разновидностями одного и то же языка, они будут входить в данное единство как связанные друг с другом определенными промежуточными звеньями, диалектами *Б*, *В* и *Г*, поскольку каждые два смежных диалекта, *А* и *Б*, *Б* и *В*, *В* и *Г*, *Г* и *Д*, взаимосвязаны и взаимодействуют в процессе междиалектного общения. Если условно принять, что расхождение между соседними взаимопонятными диалектами не может превышать некоторой величины d , то расхождение между *А* и *Д* не может превышать $4d$, т. е. оно все же ограничено, хотя *А* и *Д* взаимно и непонятны. Расхождение же между разными языками может быть, в принципе, сколь угодно большим.

Сказанное здесь о единстве диалектов с соответствующими поправками относится вообще к единству различных вариантов (разновидностей) языка, к тождеству языка в разных его видоизменениях. Рассматривать всевозможные случаи взаимоотношений между вариантами одного и того же языка нет надобности, так как здесь существенно подчеркнуть лишь различие между т о ж д е с т в о м и е д и н о о б р а з и е м языка. Тот факт, что язык никогда не бывает совершенно одинаков, абсолютно единообразен во всей сфере его употребления, как известно, привел младограмматиков и их учеников к глубоко ошибочному утверждению, что единственной подлинной реальностью является, в конце концов, язык индивида. Даже А. А. Шахматов утверждал, что «реальное бытие имеет

язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией»⁴. Такое глубокое непонимание общественной природы языка, как легко можно видеть, теснейшим образом связано со смешением понятий тождества языка и его единообразия: из факта отсутствия полного единообразия языка делалось, на основе ошибочных общеполитических концепций, ложное заключение об отсутствии единого языка общества, о «фиктивности» такого языка.

Строго различая тождество и единообразие языка, необходимо, однако, обратить внимание и на то, что первое все же с необходимостью предполагает некоторое, хотя бы и относительное единообразие, так как без известного сходства между вариантами языка не может быть и их использования в единой, неразрывной сети общения в качестве основного средства этого общения. Вместе с тем само общение поддерживает необходимое относительное единообразие языка, по возможности соответствующее тем отношениям общения, которые сложились в данных исторических условиях. Но так как изменения в общении происходят нередко сравнительно быстро, структура же языка изменяется сравнительно медленно, то степень единообразия языка часто в значительной мере отражает те исторические условия, определяющие общение, которые были в прошлом (ср., например, длительное сохранение диалектных различий, отражающих уже исчезнувшую феодальную раздробленность общества).

Общение происходит, понятно, не только между представителями одного поколения, но и между разными поколениями, и тем самым осуществляется передача того же языка от поколения к поколению. Если такая передача продолжается, мы имеем традицию данного языка и историческое его тождество на протяжении ряда эпох — при всех его изменениях в процессе его исторического развития. Историческое тождество языка может быть и при очень большом различии между языком одной и языком другой, отдаленной от нее эпохи. Так, современный английский, хотя он и отличается от древнеанглийского примерно не меньше, чем от современного немецкого, все же является исторически тем же языком, что язык «Англосаксонской хроники» IX—X вв., с которым он связан нитью непрерывной традиции: на всем тысячелетнем пути этого развития не было «взрыва» и не было смены одного языка другим⁵.

Если, далее, два языка, бывшие все время тождественными себе, оказываются в прошлом тождественными друг другу, т. е. без перерыва традиции восходят к одному языку, то они являются генетически тождественными языками, языками родственными.

Родство языков, таким образом, есть их генетическое тождество, т. е. исторический факт, сущность которого определяется историческим тождеством каждого из данных языков в отдельности и тождеством их друг другу на некотором прошлом этапе их истории. Подобно тому как человек, родившийся в данном городе, остается уроженцем этого города, куда бы он ни переехал, язык, представляющий собой более новый этап развития некоторого древнего языка, остается родственным всем другим языкам, восходящим к этому древнему языку, и образует с ними одну семью (ветвь, группу) языков, как бы он с течением времени ни изменился, если только вообще он не был вытеснен каким-либо другим языком, т. е. вообще не

⁴ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4-е, 1941, стр. 59.

⁵ Временное вытеснение английского языка французским из некоторых сфер употребления не оборвало традиции английского языка в целом, остававшегося языком английского народа на протяжении всей его истории.

перестал употребляться как важнейшее средство общения⁶. Бóльшее или меньшее сходство между родственными языками есть не самая суть родства, но его необходимое проявление и выражение, на основании которого родство может быть констатировано.

4. Фактическое сходство между языками может основываться и не на их генетическом тождестве, т. е. не на родстве. Многие сходные и общие элементы в составе и строе (например, в словообразовании, в синтаксисе) могут основываться на заимствовании и параллельном новообразовании. Сходство и общность такого типа не образуют родства: родство, как уже говорилось, не может создаваться путем «схождения». Скрещивание двух языков, как указывает И. В. Сталин, не дает какого-либо третьего языка⁷. И оно не приводит к установлению родства между скрестившимися языками и теми языковыми группами, к которым они принадлежали. Так, скрещивание английского языка XI—XII вв. с норманско-французским той эпохи не привело к образованию нового родства между английским языком и французским и тем самым между германскими и романскими языками, так как в результате этого скрещивания не получилось никакого нового «германо-романского» языка. Английский язык остался английским, принадлежащим к германской группе языков, хотя он и очень значительно обогатился за счет французских элементов.

Таким образом, фактическое сходство между языками само по себе вообще не есть родство языков, так как оно не есть их тождество в прошлом. Но по своему происхождению такое сходство может основываться и часто действительно основывается на родстве. Вместе с тем, однако, оно нередко определяется и разными иными обстоятельствами исторического развития данных языков. При этом все же выясняется, что элементы сходства, основанного на родстве, в целом существенно отличны от элементов сходства, имеющего какое-либо другое основание (заимствование и пр.).

5. Из всего сказанного понятно, почему важнейшей сферой применения сравнительно-исторического метода является именно сфера того общего в разных языках, что основано не на заимствовании, не на скрещивании, а на их родстве. В истории этого общего проявляется, по учению И. В. Сталина, история самой основы каждого данного языка, история того, что составляет сущность его специфики⁸. Здесь мы имеем дело как бы с тем стержнем, вокруг которого вырастал каждый из данных родственных языков. Ведь основной словарный фонд в каждую эпоху развития языка служил базой для образования новых слов, ведь на его основе ассимилировались и заимствования. Ведь грамматический строй на протяжении всей истории языка приводил в движение словарный «строительный материал»⁹, так или иначе охватывал все существующие, вновь образуемые и заимствуемые слова. Все единицы структуры языка переходили от поколения к поколению не по отдельности, но как части общей системы языка, внутри нее и вместе с ней, поскольку эта система непрерывно проявлялась в связной речи: одним словом, с историей именно этих единиц (т. е. единиц, общих родственным языкам именно в силу их родства) связана традиция данных языков как таковых, т. е. как целых систем, являвшихся в каждый данный момент важнейшим средством общения в соответствующем обществе. Прочие же общие единицы так или иначе

⁶ Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 50, 68 и сл.

⁷ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

⁸ См. там же, стр. 26.

⁹ Там же, стр. 23.

появлялись, хотя бы в одном из двух сравниваемых языков, именно как отдельные единицы, по одной вкрапливаясь в общую систему и ассимилируясь на основе ее структуры.

И. В. Сталин указывает, что изучение языкового родства, например таких наций, как славянские, могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка¹⁰. Таким образом, изучение именно исконно общих единиц в родственных языках очень важно не только с точки зрения истории данных конкретных языков, но и с точки зрения общезыковедческой. Такая ценность изучения языкового родства в большой мере основывается на том, что при исследовании родственного материала мы имеем дело с развитием исконно одного и того же в отчасти сходных, отчасти же различных исторических условиях. В связи с этим здесь имеются благоприятные предпосылки для четкой постановки и решения такого важного вопроса, как вопрос об общих закономерностях параллельного изменения и, наоборот, дифференциации отдельных языков в связи с наличием как одинаковых, так и различных моментов в конкретной истории народов — носителей этих языков.

II

6. Генетически тождественными единицами могут быть различные единицы в составе и строении языка, в частности, также и единицы звуковой материи языка — отдельные звуки (фонемы). Так, славянское *с* (*s*) может быть генетически тождественно германскому *h*, поскольку оба звука могут восходить к ие. *k'*. Сравнительная грамматика, как известно, постоянно имеет дело с генетическим тождеством отдельных звуков, и это может создавать впечатление, что генетическое тождество звуков устанавливается само по себе как таковое.

Между тем, установление этого тождества как такового невозможно. Нельзя, например, выяснить, чему генетически соответствует слав. *с* (*s*) в других индоевропейских языках, если сравнивать только звуки этих языков как таковые.

Историческое сравнение звуков возможно только при условии сравнения значащих языковых единиц, т. е. подлинных единиц языка, единиц двусторонних, имеющих как внешнюю, звуковую, так и внутреннюю, смысловую сторону. Следовательно, историческое сравнение звуков возможно только через сравнение таких единиц, как слова или морфемы. Так, славянское *с* (*s*) может исторически сравниваться с германским *h* только через сравнение, например, стслав. *срьдьце*, русск. *сердце* и г. *hairto*, нем. *Herz* и пр., и только на основании такого сравнения целых значащих единиц устанавливается возможность генетического тождества слав. *с* (*s*) и герм. *h*.

Необходимость сравнения именно значащих языковых единиц следует из того, что вообще самая возможность восстановления сравнительно-историческим методом основывается на принципе условности, или немотивированности, связи между звучанием и значением¹¹. Ведь именно благодаря немотивированности этой связи совпадение известного звукового сходства, вернее, звукового подобия, данных разноразличных единиц с одинаковостью или близостью их значений может служить серьезным указанием на генетическое тождество этих единиц, на реально общее их происхождение. Если не принимать этого указания, то придется признать случайность

¹⁰ См. И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 33—34.

¹¹ Ср. Б. А. Серебряников, К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании, *Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.*, т. IX, вып. 3, 1950, стр. 178.

такого совпадения. Если же случайность совпадения оказывается совершенно невероятной, то тем самым с несомненностью устанавливается генетическое тождество данных языковых единиц. Поэтому доказательством последнего служит, в сущности, обоснованная констатация¹² невозможности случайного совпадения данного звукового подобия и смысловой близости, а такая констатация, понятно, вообще может иметь место лишь при наличии как звучания, так и значения, т. е. при сопоставлении именно значащих единиц.

Говоря о принципе немотивированности (условности) связи между звучанием и значением, следует также помнить, что вообще в языке действует и другой, противоположный принцип — принцип обусловленности, мотивированности такой связи. Язык может существовать и развиваться лишь при условии сочетания обоих этих противоположных друг другу принципов.

Тот принцип мотивированности связи между звучанием и значением, который имеется здесь в виду, состоит в том, что соединение отдельных звучаний предполагает рациональное соединение соответствующих этим звучаниям значений, и обратно: для рационального соединения значений требуется соединение соответствующих звучаний. Это и значит, что звучание сложного по значению отрезка речи и сложной единицы языка мотивируется тем, какие отдельные значения выражаются в этом отрезке или в этой единице, а выделение отдельных составляющих значений в совокупном значении такого отрезка речи или такой единицы языка мотивируется тем, какие значащие звуковые отрезки выделимы в звучании всего этого целого.

Принцип немотивированности (условности) относится, следовательно, к простым, неразложенным или достаточно изолированным, идиоматически образованным единицам. В сложных же образованиях выступает уже принцип мотивированности — наряду, конечно, с первым принципом, поскольку в состав сложных образований входят простые единицы. Кроме того, нужно иметь в виду, что возможны различные переходные и смешанные случаи, и как условность, так и мотивированность связи звучания и значения может быть лишь относительной. Всякий момент идиоматичности сложного образования ограничивает мотивированность его строения и может сводить ее на-нет.

В общем же соотношение между условностью и мотивированностью связи звучания и значения таково, что в качестве основной единицы, с которой преимущественно может иметь дело сравнительно-исторический метод, неизбежно выступает морфема: ведь именно в морфеме принцип немотивированности (условности) проявляется наиболее регулярно и полно.

В образованиях же высшего порядка, состоящих большей частью из двух или нескольких морфем, часто может быть примешан элемент мотивированности. Поскольку этот элемент имеется, постольку можно предполагать и независимое, параллельное образование, а не генетическое тождество. Так, например, совпадение звукового подобия с одинаковостью значения в случаях типа скр. *janitā* — греч. *genetēr* «(пра)родитель» может полностью убеждать в генетическом тождестве соответствующих морфем *-janī-* — *-gene-* (ие. **-g'enə-*) и *-tā-* — *-tēr* (ие. **-tē(r)*), но не в исконной общности данных образований в целом (т. е. не в существовании слова **g'enētēr* уже в индоевропейском языке-основе): ведь при наличии (в каких-либо словах) таких морфем, как ие. **-g'enə-* и **-tēr*, обра-

¹² Правда, такая констатация обычно не дается непосредственно в каждом отдельном случае, но ее возможность подразумевается.

зование слова типа *g'enetēr оказывается вполне мотивированным, а потому вполне возможным представляется образование соответствующих слов (скр. janitā — греч. genetēr) в разных языках независимо друг от друга, в эпоху их раздельного существования.

7. Само собой разумеется, что морфемы (являющиеся в общем основными единицами, восстанавливаемыми сравнительно-историческим методом в их древнейшем виде) существуют в языке не сами по себе, не как отдельные кусочки, а лишь в составе слов¹³. Поэтому прежде всего в сравниваемых языках разыскиваются соответствующие слова, и слова оказываются теми непосредственными объектами, которые подвергаются обработке сравнительно-историческим методом.

Как же отыскиваются соответствующие друг другу слова разных языков?

Исходным моментом следует признать известное совпадение или сходство. При этом внимание может привлекать к себе сначала или внешняя, или внутренняя, смысловая, сторона. Последний путь — от внутренней стороны к внешней — представляется, вообще говоря, более обычным и естественным на первом этапе работы сравнительно-историческим методом.

Отыскание такого слова, которое соответствовало бы данному слову семантически, в большом числе случаев не вызывает затруднений, поскольку первоначально избираются слова достаточно четкие и определенные по своим значениям. Не вызывает, например, никаких сомнений, что семантически славянскому *жена* соответствуют два готских слова: *qīno* «женщина» и *qens* «жена-супруга» (которые непосредственно представляются этимологически связанными между собой по корню).

Когда семантически одинаковые или достаточно близкие слова разных языков найдены и сопоставлены, тогда возникает вопрос уже о звуковом соотношении между ними. Если выясняется при этом, что в звуковой стороне семантически сопоставленных слов разных языков имеется такое соотношение, которое может быть признано известным подобием, то сравнение может быть продолжено: совпадение звукового подобия с одинаковостью или близостью значения указывает на возможность генетического тождества данных слов или хотя бы их корневых частей.

Но что же требуется для того, чтобы мы могли говорить не только о возможности, но и о факте генетического тождества?

Уже было сказано, что реальность такого тождества доказывается невозможностью случайного совпадения. А возможность случайного совпадения, как известно, практически исключается при том условии, что наблюдаемое звуковое подобие оказывается основанным на регулярных, закономерных звуковых соответствиях. До тех пор, пока мы имеем дело лишь с отдельными единицами, не образующими никаких закономерно соотносящихся рядов, возможность случайного совпадения нельзя признать исключенной.

Примеры случайного совпадения достаточно известны, в частности, и в отношениях между родственными языками. Так, русск. *тяг* — в

¹³ Даже в одноморфемном слове морфема все же выступает не сама по себе, а как единица, входящая в состав слова: то, что в данном конкретном случае она оказывается единственной положительной морфемой в составе слова, не меняет существа дела, так как все же морфема как таковая отлична от слова, которое она образует собой и в котором сама ее отдельность оказывается определенным оформлением. Морфема *-дом-* одна и та же и значит то же и в *дома*, и в *дому*, *домом*, и в *дом*, но *дом* как слово (в определенной его форме) значит уже больше, чем морфема *-дом-*, так как в последней, например, нет никакого значения падежа, а в *дом* как форме слова есть значение либо именительного, либо винительного падежа.

тяга, тягач — и шв. *tåg* «поезд», англ. *tug* «буксирный пароход» в достаточной мере подобны друг другу по звучанию и близки по значению, и, казалось бы, можно предположить здесь генетическое тождество; между тем, здесь только случайное совпадение. То же в случае русск. *вопить*, *вопить* и г. *worjan*, англ. *weep* (ср. *глас вопиющего в пустыне* — г. *stibna worjandins in aurfidai*).

Следовательно, каждый отдельный случай фоно-семантической близости разноразличных единиц имеет определенный вес и значение лишь в общей системе соотношений, и с точки зрения этой системы он должен рассматриваться и оцениваться: взятый отдельно, сам по себе, он ничего определенного не дает. Так, если предполагается, что слав. *жена* и г. *qino*, *qens* генетически связаны друг с другом (хотя бы только по корню), то для доказательства этого предположения необходимо указать и другие слова, в которых, при их семантической объединимости, имеются те же звуковые соответствия: слав. *ж* — г. *q* и пр. Когда, например, мы находим, что стслав. *жрьновъ*, русск. *жернов* семантически совпадают с г.-*qair-nus* и вместе с тем здесь вновь наблюдаются соответствия слав. *ж* — г. *q*, слав. *н* — г. *n*, которые отмечены в слав. *жена* — г. *qino*, *qens*, то предположение о родственности данных семантически сближаемых славянских и готских слов находит уже значительное подтверждение, поскольку возможность случайного совпадения резко уменьшается. Если, далее, мы находим слав. *жив* — г. *qius* (вин. ед. м. р. *qiwana*) «жив(ой)», где снова имеется соответствие слав. *ж* — г. *q*, то уверенность в правильности делаемых сопоставлений, т. е. в том, что сближенные на основе семантики слова являются генетически связанными по их корням, становится практически полной.

Если сравнительно-историческое исследование данных языков естественно отправляется от сопоставления слов, сближаемых по значению, то в дальнейшем все большую роль начинает играть сопоставление слов на основе определенных звуковых соотношений между ними, поскольку все более выясняются закономерные звуковые соответствия. Когда звуковые соответствия оказываются уже достаточно установленными, они могут использоваться в качестве исходного условия для сопоставления тех или иных слов в изучаемых языках, для отыскания дальнейших этимологических параллелей. Так, если, например, уже установлены соответствия слав. *д* — герм. *t*, слав. *о* — герм. *a*, слав. *м* — герм. *m*, то корневая морфема, генетически тождественная со слав. *-дом-*, будет найдена в г. *ga-tamjan* «укротить» уже путем звукового, а не семантического сопоставления: путь от значения к звучанию оказался бы здесь более трудным и сложным (ср. ниже, стр. 13).

Не случайно поэтому, что на первых этапах сравнительно-исторического изучения языков, в частности, при обнаружении родства между ними, большую роль играло сопоставление таких семантически наиболее четко и несомненно сближаемых слов, как числительные. Соответствие армянск. *erk* — скр. *dv*, греч. *df* и пр. вряд ли могло бы быть предположено, если бы на него не наталкивало семантическое сопоставление именно числительных (арм. *erku* — скр. *dvā(u)*, греч. *duō*, *d(F)ē*). Дальнейшая же работа по отысканию генетически тождественных единиц в языках, взаимоотношения которых в общем уже достаточно определены, преимущественно ведется на основе фонетического сопоставления.

Таким образом, если звуковые соответствия не могут быть открыты непосредственно — без сравнительно-исторического обследования значащих единиц, преимущественно — морфем (в составе слов), то в дальнейшем, когда такие соответствия, в конце концов, на основе изучения соотношений между значащими единицами, выясняются и абстраги-

руются от отдельных случаев, знание этих соответствий делается средством определения отношений между самими значащими единицами (морфемами, словами).

8. Восстанавливаемые регулярные звуковые соответствия должны иметь фонетическое объяснение. Так, недостаточно указать, что соответствие слав. *ж* — г. *q* обладает определенной регулярностью. Для того, чтобы мы могли признать его закономерным, увидеть в нем реальный закон, мы должны также убедиться, что такое регулярное соответствие могло действительно исторически сложиться в результате развития одного и того же исходного звучания. Только тогда внешнее, формальное соответствие слав. *ж* — г. *q* мы можем признать за проявление подлинного генетического тождества: слав. *ж* = г. *q*. Необходимо, следовательно, с должным вниманием отнестись и к принципу фонетической объяснимости наблюдаемого соответствия.

Принцип фонетической объяснимости требует, понятно, максимальной конкретизации условий устанавливаемого соответствия. Для такой конкретизации необходимо, в частности, наиболее всестороннее освещение данного соответствия показаниями со стороны различных языков. Так, например, приведенное соответствие слав. *ж* — г. *q* получает исторически более конкретный характер, когда оно освещается дополнительно хотя бы соответствием с греч. *b* и *g* (+*u*) (ср. слав. *жена* — г. *qino*, *gens* — греч. *баэтийск.* *banā*, *аттич.* *gupē* и пр.) и скр. *g* и *j* (скр. *gnā-* и *jāni-*).

В приведенном конкретном примере слав. *ж* (= г. *q*) явно оказывается развившимся из *g* в результате палатализации и ассибилизации его перед палатальными гласными (стслав. *жрьновъ* с несомненностью выводимо из более раннего *жърновъ*, ср. русск. *жернов*). Таким образом, соответствие слав. *ж* — г. *q* возводится к более архаичному: слав. *g* — г. *q*. Греч. *b* показывает, что лабиализованность г. *q*, вероятно, не развилась в готском (и вообще в германских языках), а имела уже в индоевропейском языке-основе, и это подтверждается также и тем, что в самом готском в том же положении встречается и нелабиализованное *k* (ср. г. *kinnus* «щека»; г. *kisan* «избирать, испытывать», греч. *geus-tos*). Поэтому слав. *g* следует считать восходящим здесь к лабиализованному *g^u*, из которого фонетически объяснимы и греч. *b* (и *g*) и скр. *g* и *j*. К такому же *g^u*, очевидно, может восходить и г. *q*, отличающееся от него лишь отсутствием голоса (и, может быть, уже несколько увеличившейся силой артикуляции). Все звуковые процессы, которые предполагаются при этом, оказываются вполне естественными с точки зрения общей фонетики.

Вместе с тем анализ изменения отдельных звуков должен освещаться также и в плане специфических закономерностей развития звуковой системы данного конкретного языка, так как наблюдения показывают, что определенные изменения часто затрагивают не отдельные звуки, а известные их типы. Так, в рассматриваемом примере смягчение (палатализация и ассибилизация) слав. *g* образует единый процесс со смягчением слав. *k* в *ч*; делабиализация *g^u* в слав. *g* подобным же образом объединяется с делабиализацией *ie. g^{uh}* в слав. *g* (ср. лат. *formus*, г. *warms* — русск. *горячий*, скр. *gharmāh*) и *ie. k^u* в слав. *k* (греч. *póteros*, г. *hvaþar* — русск. *кот орый*, скр. *katarāh*); черм. оглушение *g^u* в *k^u* (= г. *q*) составляет, как известно, один и тот же «акт» передвижения согласных, что и оглушение *b* в *p*, *d* в *t*; так же и в греческом увеличение лабиализации до полного смыкания губ в случае *g^u* > *b* находит полную параллель в развитии *g^{uh}* в *ph* (с оглушением, связанным с придыхательностью) и *k^u* в *p¹⁴*; подоб-

¹⁴ О частностях этого процесса и о его диалектных ограничениях и вариантах здесь, понятно, нет надобности говорить.

ным же образом и в санскрите делябиализации g^u в g , со смягчением в j , совершенно параллельна делябиализация k^u в k , откуда при смягчении — с ($\check{s}$) (ср. также делябиализацию g^uh).

Регулярные соответствия дают отправную базу для восстановления определенных единиц, но и обратно — восстановление таких единиц, оправданное общезвучными данными и звуковыми закономерностями отдельных языков, служит необходимым объяснением таких соответствий и дополнительным доказательством того, что эти соответствия — не исключительные случайные совпадения, но явления, основанные на внутренних закономерностях развития. Как нельзя фонологию сводить к учению о звуковых противопоставлениях и соотношениях, так и сравнительно-историческую фонетику нельзя превращать в формалистическое учение о «корреспонденциях»: звуковая материя языка во всей ее конкретности и в ее реальном историческом движении требует большего к себе внимания.

Если при установлении звуковых соответствий необходимым требованием следует признать объяснимость их исторического возникновения с фонетической точки зрения, то при анализе семантического соотношения требуется его объяснение с точки зрения семасиологии. Последняя, как известно, гораздо менее разработана, чем общая фонетика. Поэтому анализ семантического отношения между сравниваемыми разноразличными словами нередко носит более или менее кустарный характер, часто основывается просто на «здравом смысле» и на случайно подобранных параллелях. Между тем, семасиологическая объяснимость наблюдаемых соотношений между значениями сопоставляемых разноразличных слов должна быть признана важным принципом, по существу аналогичным принципу фонетической объяснимости устанавливаемых звуковых соответствий, и разработке семантических отношений должно быть уделено должное внимание, особенно в тех случаях, когда эти отношения настолько сложны или отдаленны, что они не могут служить исходным условием для сопоставления, которое, таким образом, основывается прежде всего на звуковых соответствиях (ср. приведенный выше пример: русск. *дом* — г. *ga-tamjan*).

При этом необходимо добиваться того, чтобы такой семасиологический анализ не был абстрактно-схематическим. Подобно тому, как при анализе звуковых соответствий с точки зрения общей фонетики необходимо учитывать специфические звуковые особенности развития каждого данного языка, здесь, при семасиологическом анализе, необходимо принимать во внимание конкретные исторические условия развития данных языковых явлений в общей системе каждого данного языка в определенную эпоху истории соответствующего общества. Ведь в общем семантические процессы находятся в тесной связи с конкретными моментами общественно-исторического развития, так как язык связан непосредственно и с производственной и со всякой иной деятельностью человека ¹⁵.

9. Применение сравнительно-исторического метода неизбежно сталкивается с необходимостью фонетического анализа фактов каждого из сравниваемых языков в отдельности. Так, приходя с помощью сравнительно-исторического метода к тому, что слав. *ж*, соответствующее греч. *b* и *g* (+ *u*), г. *q* и т. п., получилось в результате смягчения *g* из *ie*. g^u , мы вместе с тем наблюдаем чередование *g* : *ж* в славянском и приходим к необходимости выяснить условия этого чередования в пределах самих славянских языков. Решается эта задача, с одной стороны, посредством фонетического анализа тех конкретных случаев, в которых встречаются данные чередующиеся звуки, с другой же стороны — через

¹⁵ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

выделение и отождествление морфем, содержащих эти звуки в разных словах и словоформах (т. е. конкретных формах конкретных слов). То и другое в совокупности и составляет фономорфологический анализ.

Последовательно и строго проведенный фономорфологический анализ в ряде случаев уже сам по себе позволяет восстановить некоторые прошлые, дописменные факты языка. Так, если мы убеждаемся, что слав. *жс* встречается перед палатальными гласными, а *г* — перед веларными и согласными, и если при этом обнаруживается, что оба звука, согласно этой закономерности, встречаются, в частности, также и в одних и тех же морфемах, то мы имеем все основания восстановить более древнее *г* и в образованиях с *жс*. Например, поскольку возможным оказывается в стслав. *грѣло* и *жърѣ* выделить морфемы *-грѣ-* и *-жър-* и определить их как варианты одной морфемы, т. е. отождествить между собой, постольку имеются все основания восстановить для *-жър-* более древнюю фазу — **-гър-* (*-gr-*). Таким образом, путем фономорфологического анализа восстанавливается дописменное развитие *г* в *жс* перед палатальными гласными¹⁶.

Можно, следовательно, говорить о «методе фономорфологического анализа» как другом приеме восстановления, существующем наряду со сравнительно-историческим методом. Различием между обоими методами является то, что при сравнительно-историческом методе сравниваются факты р а з н ы х языков, тогда как при «методе фономорфологического анализа» сопоставляются факты в пределах одного языка (почему здесь говорят о «внутренней» реконструкции)¹⁷. С этим связаны и некоторые другие различия, требующие исследования, специально посвященного этому вопросу. Здесь же достаточно отметить лишь то, что в известных границах фономорфологический анализ является важным дополнением к сравнительно-историческому методу, с которым он естественно может сочетаться.

10. Далее необходимо обратить внимание на следующее.

Сравнительно-исторический метод требует выделения морфем. Но ведь морфема — единица, исторически развивающаяся и меняющаяся. Морфемы не могут трактоваться как некие постоянные величины: в процессе развития языка происходит как сращение (слияние) отдельных морфем, так и переразложение их соединений¹⁸. Так, например, трехморфемная ие. словоформа **g^uen-ā-m* (вин. ед.) превратилась в двухморфемную стслав. *жен-х*, русск. *жен-у*, так что одна аффиксальная слав. морфема оказывается здесь соответствующей двум исконным морфемам. Поэтому выделение морфем (и других морфологических единиц: основ и пр.) всегда должно относиться к определенной исторической эпохе развития языка.

Нужно, однако, заметить, что все же в плане работы сравнительно-историческим методом наиболее важным, так сказать, основным, является то морфологическое членение, которое восстанавливается этим методом, а именно, членение, соответствующее той эпохе развития языка-основы, которая непосредственно предшествовала его дроблению на отдельные (родственные) языки. Поэтому, когда речь идет в этом плане, обычно имеются в виду морфемы (и вообще морфологические образования) именно этой эпохи, и они-то преимущественно и восстанавливаются сравнительно-историческим методом.

¹⁶ Предположение о противоположном развитии, *жс* в *г* перед согласными и веларными гласными, невероятно по общезвоническим соображениям.

¹⁷ Н. М. Н о е н и г с w a l d, The fundamental step in historical grammar, «Language», 26, № 3, 1950.

¹⁸ См. В. А. Б о г о р о д и ц к и й, Очерки по языковедению и русскому языку, 1939, стр. 153—154, 171, 193—195, ср. также Л. А. Б у л а х о в с к и й, Деэтимология в русском языке, Труды Института русского языка, I, М.—Л., 1949, стр. 147 и сл.

Понятно, что указанная выше эпоха не является вполне определенной, поскольку дробление языка-основы могло быть очень длительным и сложным процессом¹⁹ и поскольку мы часто не в состоянии с уверенностью определить не только время, но даже и совместность или последовательность отдельных восстанавливаемых фактов. Что касается, например, индоевропейских языков, то очень вероятным представляется, что многие факты, восстанавливаемые как уже имевшиеся в еще едином языке-основе, на самом деле являются параллельными новообразованиями, возникшими уже после обособления отдельных языков. Тем не менее «эпоха, непосредственно предшествующая дроблению языка-основы», не может не выделяться в принципе, как та эпоха, к которой относятся восстанавливаемые сравнительно-историческим методом языковые факты.

11. Выше уже пришлось обратиться к понятию «вариант морфемы». В таких языках, как, например, индоевропейские, где имеются фонетически не обусловленные (для эпохи дробления языка-основы) чередования звуков, восстанавливаемые морфемы более или менее регулярно выступают в виде различных вариантов. Так, ие. морфема $*-g^{ue}n-$ в этом конкретном ее виде, в сущности есть лишь один из вариантов морфемы, которая условно может быть изображена как $*-g^{u} \left(\begin{smallmatrix} \ddot{e} \\ \circ \end{smallmatrix} \right) n-$; ср. слав. жена, г. qino — скр.

-jāni-, г. qens — скр. gnā-, греч. gunē, дисл. kona. Непосредственно восстанавливаются, строго говоря, лишь определенные варианты морфем, морфемы же как таковые восстанавливаются уже на основе сопоставления и как бы совмещения отдельных вариантов. При этом, поскольку уже изучены закономерности чередований, различающих отдельные варианты, постольку морфемы как таковые могут восстанавливаться в целом, даже если и не все их возможные варианты фактически обнаруживаются. Так, восстановление морфемы $*-g^{u} \left(\begin{smallmatrix} \ddot{e} \\ \circ \end{smallmatrix} \right) n-$ в таком виде вполне оправдано, даже если ее варианты с огласовкой $\ddot{e}$ и неизвестны: они возможны и могут быть когда-нибудь найдены.

То, что основной восстанавливаемой сравнительно-историческим методом единицей является морфема (в ее вариантах), не должно пониматься так, что вообще восстанавливаются только отдельные морфемы. Уже говорилось, что и сложные образования, если они по своему строению «идиоматичны», могут с уверенностью восстанавливаться как целые. Так, ие. $*pātēr$, $*mātēr$ и пр. (греч. patēr, mētēr, лат. pater, māter и пр.) несомненно представляют собой соединения морфем, но вместе с тем они не обладают вполне четким, «мотивированным» морфологическим строением и с достаточным основанием могут рассматриваться как действительно принадлежавшие общиндоевропейскому основному словарному фонду²⁰.

Но и тогда, когда мы имеем продуктивные, неидиоматичные образования, мы, восстанавливая составляющие их морфемы, все же восстанавливаем нечто большее, чем отдельные морфемы. Ведь морфемы восстанавливаются вместе с их функционально-структурными характеристиками, как морфемы корневые, префиксы, суффиксы — словообразовательного или грамматического характера. Тем самым восстанавливаются определенные морфологические типы словоформ и слов и морфологические категории, а через посредство последних

¹⁹ См. Б. В. Горнунг, В. Д. Леви́н, В. Н. Сидоров, Проблема образования и развития языковых семей, «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 54.

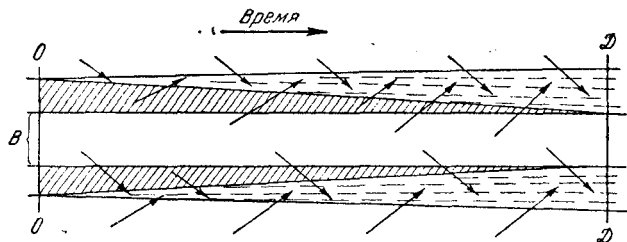
²⁰ Конечно, когда-то строение таких слов было мотивированным, но эта мотивированность уже неясна, и ее следует отнести к очень отдаленной эпохе — до обособления отдельных языков.

возможны и некоторые выводы относительно синтаксиса (хотя вообще восстановление в этой области встречает принципиальные препятствия ввиду относительной ограниченности синтаксических средств и большой роли «принципа мотивированности»; ср. стр. 9). Кроме того, разумеется, восстановление морфем (их вариантов) приводит и к восстановлению фонетической системы с известными ее закономерностями.

III

12. Уже то обстоятельство, что восстановление фактов прошлого исторического развития родственных языков основывается на восстановлении отдельных морфем (хотя оно далее и выходит за пределы этого последнего), заранее ограничивает возможности и достижения сравнительно-исторического метода (ср. стр. 9-10). Однако серьезные недостатки этого метода не сводятся к этому обстоятельству.

Прежде всего надо всегда помнить, что данные языки продолжают язык-основу как систему, но в своем конкретном составе и строе могут иметь очень много нового, совсем не восходящего к языку-основе или восходящего к нему лишь отчасти. Именно поэтому термин «язык-основа» гораздо лучше по самому своему существу, чем термин «праязык», даже если последний освободить от связывавшихся с ним ошибочных представлений и марровских искажений его собственно научного содержания: выражение «язык-основа» направляет внимание на то, что тот язык, к которому по линии исторической связи через общение восходят данные родственные языки, представляет собой с точки зрения их конкретного состава и строя лишь основу этих языков, но не источник всего того, что вообще в них имеется. Этот термин, таким образом, как бы предупреждает против чересчур прямолинейного и упрощенного понимания «развития данных языков из одного языка». В общем, если взять развитие языка-основы по линии лишь одного из восходящих к нему языков, то положение дела можно изобразить так:

Здесь $O-O$ означает язык-основу, B — его восстанавливаемую часть, поскольку она представлена и в данном, развившемся из него языке $Д-Д$. Утраченное из языка-основы изображено сплошной косой штриховкой. Прерывистой горизонтальной штриховкой обозначено то, что приобретено языком $Д-Д$ за время его развития от языка-основы до данной его фазы, известной по памятникам. Стрелки показывают, что это новое, с одной стороны, пришло извне, с другой же стороны — образовано из того, что имелось в языке-основе. Конечно, эта схема — очень упрощенная и односторонняя, но кое-что существенное она все же изображает достаточно верно. Главное, она показывает, что развитие данного языка из языка-основы воссоздается не во всей его полноте, поскольку сам язык-основа, как древняя фаза развития данного языка, оказывается не восстанавливаемым полностью. Ведь, по самой сути сравнительно-исторического метода, бесследно утраченное данными языками не может быть восстановлено.

В особенности это касается слов. В связи с этим полная утрата ряда корневых морфем всегда возможна, а в случае большой отдаленности языка-основы от засвидетельствованных родственных языков, развившихся из него, такую утрату следует считать совершенно несомненной²¹. Однако и аффиксы могли не все сохраниться или вообще оставить какие-либо следы. Наиболее полно может быть восстановлена звуковая система, так как число различных звуков (фонем) обычно не превышает нескольких десятков, и очень вероятным является, что в сохранившихся морфемах (корнях и аффиксах) они так или иначе, хотя бы косвенно, отражены все.

13. Далее следует обратить внимание еще на один важный момент, который вытекает из самого существа сравнительно-исторического метода и вместе с тем во многих случаях значительно затрудняет получение надежных результатов, почему этот момент также может быть отнесен к числу «объективных» (согласно словоупотреблению Б. А. Серебренникова²²) недостатков этого метода. Здесь имеется в виду то, к чему приводит необходимость членения на морфемы.

Эта необходимость иногда приводит к выделению очень коротких единиц, состоящих всего из двух-трех звуков, а иногда и из одного. Само собой понятно, что чем меньше число звуков в материальной оболочке данной единицы, тем больше возможность случайного совпадения. Поэтому получается так, что углубление морфологического анализа создает известные предпосылки большей проблематичности делаемых выводов. Между тем, процесс срастания более старых морфем, сопровождающийся нередко их редукцией, в более «крупные» новые морфемы и связанные с этим процессы «опрощения», и «переразложения» сложных образований являются постоянно наблюдаемыми процессами, пренебрегать которыми нельзя²³. Обнаружение более древних морфем или их остатков в составе тех или иных данных единиц важно и для углубления истории их образования, а тем самым и истории словообразования в соответствующем языке, и для расширения основного материала, подлежащего сравнительно-историческому изучению. Пока мы не выделили старых, уже мертвых (долатинских) морфем *-d-* и *-(e)nt-* в лат. основе *dent-* (*dens, dentis*), до тех пор мы не можем вскрыть здесь древнюю связь с глаголом *edere* и понять древнее смысловое строение этого слова. С другой стороны, при таком членении корневая морфема выделяется в виде *-d-*, т. е. всего в виде одного звука. Взятое само по себе, такое *-d-* дает очень слабую опору для каких-либо сближений. Родственность скр. *dat-/ dant-*, греч. *odont-*, лат. *dent-*, г. *tunþ-* и пр. является несомненной лишь благодаря взаимоотношениям между данными основами в целом. Также и выделение *-d-* (чередующегося с *-ed-/ -od-*) обосновывается преимущественно достаточной четкостью второго предполагаемого элемента *-ent-/ -ont-* и общей ясностью полученной семантической структуры. Где подобных благоприятных условий нет, аналогичные морфологические операции оказываются более чем сомнительными. Ср., например, возведение герм. основы *himin-* (которую мы находим в г. *himins*, диал. *himinn* «небо») к ие. *k+e+men-*, принимаемое Ф. Шпехтом²⁴; оно никак не является чем-либо большим, чем остроумным предположением.

Открытие «определителей корней» (*Wurzeldeterminative*) или «наращений», «распространений» (*élargissements, Wurzelerweiterungen*) и, да-

²¹ Ср. Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» (редакционная статья), «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 20.

²² См. Б. А. Серебренников, Указ. статья, стр. 179.

²³ См. примечание 18, стр. 14.

²⁴ F. S p e c h t, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, 1947, стр. 270.

лее, других следов более древней морфологической структуры индоевропейского языка-основы позволяет, с одной стороны, углубить морфологический анализ индоевропейского языкового материала, увидеть новые связи между различными единицами языка и до известной степени восстановить историческое развитие самого общиндоевропейского языка; с другой же стороны, эти достижения открывают широкое поле для научно-фантастических построений. То, что некоторые, даже наиболее серьезно продуманные попытки проникновения в древнейшую историю индоевропейского языка-основы пока приводят лишь к интересным гипотезам, подтверждается, например, тем, что такие лингвисты, как Бенвенист и Кюрилович²⁵, посвятившие этой задаче специальные исследования, очень интересно и правдоподобно воссоздают далеко не одну и ту же «историю» формирования морфологических единиц этого языка. Все это указывает на необходимость дальнейшей разработки принципов применения сравнительно-исторического метода, критериев надежности получаемых им результатов и его взаимоотношений с «методом фонеморфологического анализа», который должен, в свою очередь, подвергнуться подобному же научному рассмотрению и строгой оценке.

14. Наконец, следует напомнить, что сравнительно-исторический метод, как метод восстановления, дает как бы плоскую, написанную без перспективы, картину, в которой различные эпохи могут совмещаться в одном плане. Даже элементы звуковой системы, восстанавливаемые этим методом, могли существовать не все одновременно в том виде, в каком они восстанавливаются.

Значительное сомнение может вызывать сосуществование отдельных частей грамматической системы, ввиду того что здесь вообще не всегда возможно провести грань между формами, действительно имевшимися в языке-основе, и параллельно образованными лишь позже, в отдельных языках. Так, например, та сложная картина склонения и спряжения индоевропейского языка-основы, которая рисовалась языковедам прошлого и начала этого века, подвергается во многих частях обоснованному сомнению: очень вероятно, что в ней мы имеем проекцию на плоскость языка-основы многих из тех образований, которые сложились гораздо позже лишь в отдельных языках²⁶. Но точно и с полной уверенностью отделить друг от друга различные этапы с помощью одного только сравнительно-исторического метода вряд ли возможно.

Правда, относительная хронология явлений, как известно, в ряде случаев устанавливается сравнительно-историческим методом более или менее определенно. Нужно, однако, заметить, что это относится только к случаям тесно связанных между собой явлений, таких, как, например, переход *oi* в *ъ* и смягчение *к* в *ц* (и *г* в *з*) в славянском: ясно, что, например, **k^uoinā* (ср. литовск. диал. *kaina*, греч. *poinė*) могло превратиться в *цъна* только через фазу **къна*, так как смягчение уже ранее делабиализованного *k^u* зависит от палатального характера последующего гласного (*ъ*) и перед прежним *oi* оно было бы невозможно. Повидимому, такие тесно связанные между собой явления наблюдаются преимущественно в области фонетики.

В этой связи особенно следует обратить внимание на то, что бóльшая или меньшая распространенность (т. е. степень общности) явления, вообще

²⁵ E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indoeuropéen*, I, 1935; J. Kurylowicz, *Études indoeuropéennes*, 1935, ср. A. Sommerfelt, *Some new ideas on the structure of the Indo-European parent language*, *Transact. of the Philol. Society*, London, 1945.

²⁶ Cp. G. S. Lane, *On the present state of IE linguistics*, «*Language*», 25, № 4, 1949.

говоря, не может служить критерием большей или меньшей его древности: не обязательно, чтобы более распространенные (более общие) явления были более древними, а менее распространенные (менее общие) — более поздними. Так, например, если носовой согласный исчезает перед *h* (т. е. *x*) во всех германских языках (ср. прош. время г. *þahta* при *þagkjan* [-nk-], двн. *dahta* при *dencan*, да. *þöhte* при *þencan* «думать», дисл. *þatta*, с -tt- из -ht-, при *þekkia*, с -kk- из -nk-, «замечать»), а перед *ʀ* — только в ингвеонских (англофризских; ср. да. *ðfer*, дс. *ðthar*, *athar* «другой» при г. *anþar* и т. п.), то это еще не значит, что сначала произошло общегерманское выпадение носового перед *h*, а затем ингвеонское — перед *ʀ* (и другими глухими фрикативными). Очень возможно, что выпадение носовых согласных в обоих случаях происходило в общем одновременно, но условия этого явления были в разных диалектах различными: в одних языках (готском, древневерхненемецком) носовой выпадал только перед *h*, в других же — в большем числе случаев (в ингвеонских — перед всеми глухими фрикативными). В отдельных случаях более распространенное явление может быть даже более поздним, чем более ограниченное.

Что касается абсолютной хронологии, то здесь сравнительно-историческим методом, понятно, нельзя получить какие-либо конкретные данные. Возможна только некоторая приблизительная оценка промежутка времени между древнейшими засвидетельствованными фазами развития данных единиц и восстанавливаемыми фазами их развития. Но и здесь, собственно, возможно определить только некоторый *м и н и м у м* на основе того положения, что язык в своем развитии не знает взрывов, изменяясь путем постепенного накопления нового и постепенной утраты старого качества²⁷. Но какого-либо максимума здесь нет, так как изменения могли быть сколь угодно медленными и подолгу задерживаться на отдельных этапах.

Поскольку с помощью сравнительно-исторического метода мы углубляемся в дописменные эпохи развития языков, постольку мы неизбежно теряем непосредственный контакт с конкретной историей носителей этих языков. Но это совсем не значит, что мы должны примириться с таким положением дела. Ведь «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»²⁸.

Поэтому утрата той возможности непосредственного контакта с историей общества, которую мы имеем при наличии письменных памятников, делает особенно необходимым изыскание различных иных путей подхода к развитию языка со стороны истории народа — творца и носителя этого языка. Применение сравнительно-исторического метода для восстановления фактов дописменного исторического развития языка настоятельно требует поддержки и дополнения языковых данных данными истории, в частности — истории материальной культуры. А для этого необходимо развитие и усовершенствование методов согласования тех и других данных..., «чего пока нет и не могло быть при господстве марровских установок среди археологов», как справедливо замечают авторы статьи «Образование и развитие языковых семей» в журнале «Вопросы языкознания», 1952, № 1²⁹. Работа в этом направлении требует больших совместных усилий со стороны лингвистов и археологов и вместе с тем большой научной выдержки и строгости, так как в этой области очень легко возникают различные фантастические построения.

²⁷ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27—28.

²⁸ Там же, стр. 22.

²⁹ Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров, Указ. статья, стр. 54.